

Волки летом людей не кушают

В электричке сел напротив бабульки. Улыбчивая, чем-то на мою покойную матушку похожа. Должно, видит в моих глазах участие и рассказывает не умолкая: «Нас в войну у мамы пятеро было. Отец погиб. Деревню немцы сожгли. Жили в землянке. Всю траву вокруг съели. Крапиву, лебеду, заячью капусту. Однажды все ушли, я выбралась из землянки, в лес забрела, заблудилась. Плачу. Подходит большая серая собачка, лизнула меня. Я обняла её, реву: собачка, отведи меня к маме домой. Та пошла и на меня оглядывается, зовёт за собою. Привела к землянке. И потом ко мне приходила, когда я одна оставалась. Играла со мною. А как-то старшая сестра вышла на порог и увидела. Даже белою стала: это же волчица, говорит. Потом вернулась мама, успокаивала, говорила: волки летом людей не кушают, они зимой нас съедят. Но мы к зиме в город перебрались, построили шалаш и жили в нём».

Электричка к нашей остановке подошла. Помог бабушке спуститься по вагонным ступенькам, взял под локоток, пошли к привокзальной площади.

– Сестрёнка Аня умерла, слабенькая была. Молочка бы ей. Корову Малинку вместе с колхозным стадом угнали, чтобы немцам не достались. А уж как наши вернулись, идёт мама по улице. Мимо стадо коров гонят. Одна корова как выскочит, бросилась к маме и давай её лизать! Наша коровка – Малинка!

Не успел я дослушать этой истории. Бабушке надо было к автобусной остановке, мне в другую сторону. Попрощались. Шёл я к дому и всё думал про ту коровку Малинку, мне так хотелось, чтобы её им вернули...

Счастье

Реанимация. Белые ширмы. Сосед, весь в проводах и трубочках, улыбается в потолок:

– Сорок пятый. Весна. Уссурийск. Мне четыре года. Жили в угловой комнате казармы. Вбегает отец, очень возбуждённый: «Дежурный! Открывай пирамиду!» Прибегает сержант – дневальный по казарме, открывает замок комнаты, где в «пирамидах» составлено оружие. «Давай пулемёт! – Отец хватает пулемёт: – Коробку патронов и за мной!»

Отец вылетает на улицу, за ним с большой железной коробкой гремит сапогами дежурный. Солнечный день. Я бегу следом. И отец меня не прогоняет. Он зовёт меня! Я понимаю: сейчас будет война. Отец будет стрелять по немцам-фашистам, и я ему нужен. И страх и восторг.

Отец устанавливает пулемёт на забор. Сержант подаёт металлическую ленту с жёлтыми патронами. «Ура-а-а! – кричит отец и длинной, очень длинной очередью веером выпускает пули в весеннее небо. – Ура-а-а! Победа-а-а!»

Откуда-то выскакивают люди с оружием. Все стреляют и кричат. Мне становится страшно, я убегая и прячусь.

Мама находит меня в темноте под кроватью, на руках выносит в ясный день. Мама плачет и целует меня: «Победа, сынок. Победа...»

«Шутник»

В деревне пастух был. Звали его Полтора-Ивана. Здоровенный добрый дядька, в войну контуженный – глуховатый. Осенью погнал он коров через убранное кукурузное поле. И тут волк ему на спину запрыгнул. Вцепился мёртвой хваткой в брезентовый капюшон плаща, рычит, мордой крутит. А Полтора-Ивана на ухо тугой, рыка волчьего не слышит. Подумал, что кто-то из деревенских шутит, подкрался и напрыгнул сзади, покататься захотел. Бригадир колхозный любил так порезвиться.

– Да ладно, – говорит Полтора-Ивана, – пошутил и слазь. Не буду я тебя катать.

Шутник не слезает, ещё и дёргается на спине.

– Что за дурак? – говорит пастух.

А тут вниз глянул и увидел: между ног серый хвост болтается.

– Что за ерунда? – нагнулся, схватил за хвост и дёрнул хорошенько.

Батюшки! Так это же волк!

Полтора-Ивана, не выпуская хвоста из рук, раскрутил хищника над головой и со всей дури – невероятной своей силищи – бросил. Волк пролетел над полем и шмякнул в придорожное дерево. Сдох сразу, даже не визгнул. Крупный волчара оказался, всех коров распугал. Пришлось до вечера стадо собирать.

А в деревне над пастухом потом долго смеялись.

Конфуз

Борода у деда во-о-от такая, до пояса. Сам он – мужчина крупный и очень старый. И собака у него тоже большая и старая, очень лохматая. Они вместе любят сидеть на завалинке, греться на солнце. Дед всегда в шапке и валенках. Собака сама как старый тулуп в серых валенках. Иногда дед один сидит. А иногда собака без деда.

Соседка Бабаня, баба Аня Бабанина, старушка подслеповатая, мимо идёт, кланяется:

– Здравствуйте, дедушка.

Пёс в ответ:

– Гав! Гав!

– Тьфу, нечистая! Прости Господи!

В другой раз сам дед на завалинке. Бабаня вновь идёт, кланяется:

– Здравствуйте! Вы собачка или дедушка?

– Дедушка!

– Слава Богу, прости Господи!

А ещё дед рыбалку любит. На деревенское озеро ходит с правнуками Сёмкой и Васькой. Штаны снимут и давай руками карасей ловить. Дед свою длинную рубаху в поясе верёвкой подвяжет и рыбу за пазуху прячет. А собака на берегу ждёт.

Вот раз увлёкся дед рыбалкой. Правнуков эта затея утомила, стали они нырять и плескаться. Дед ловит и ловит, а пойманные караси разгулялись в пузыре рубахи и давай его в воду тянуть. Дед к берегу хочет вылезть, а рыба в глубину тащит. Дед кричит:

– Сёмка и Васька сиротами остались! Внучата сиротами остались!

Главное дело, не на помощь зовёт, а причитает по внукам-правнукам. Людям и невдомёк, что тонет.

Только пёс все понял, бросился в воду и стал за ворот деда тянуть. А тот пузырь рубахи руками держит, чтобы караси не разбежались. Здесь и народ подоспел, – помогли вытащить.

Кукушкины слёзки

Под утро, чуть свет, приснился мне цветок – венерин башмачок. Глаза не открывая, боясь спугнуть наваждение, стал о нём думать. Этот цветок мама называла «кукушкины слёзки». Дивное прозвище на нашем Амуре. Цветок и впрямь похож на дутую обманную каплю – слёзонька кукушки по подброшенному кукушонку.

Амурский венерин башмачок – таёжная орхидея. Встречал разных видов и окраски. Есть с россыпью бисерных крапинок на пухлом зеве цветка. Бывает нежно-золотистый. А ещё светло-лиловый. Ещё и малиново-розовый, похожий на капризно надутые губочки с трепетно проступающими яркими капиллярами.

Часто венерин башмачок видел рядом с ландышами, должно быть оттого, что зацветают в одно время – конец мая и начало июня. У белого ландыша дерзкий радостный запах, рядом с ним аромат орхидеи неуловим. Но на таёжных полянах, у опушек роц и лесочков являлись мне и одинокие венерины башмачки, а порою семейки. Даже в горной тундре на съёмках фильма о северном заповеднике встретился: крохотный, обдуваемый ветрами. Помню, директор заповедника опустился перед едва приметным цветиком на колени, восторженно, затаив дыхание, со всех сторон щёлкал затвором фотоаппарата, сказал, что ещё никто никогда в мире не встречал орхидею, растущую в таких условиях.

Венерин башмачок занесён в Красную Книгу России, охраняется законом.

И о запахе амурской орхидеи. Оказался он тонким и нежным, трогательным, волнующим. Как-то в Таиланде был на экскурсии в великолепном Саду Орхидей, в королевстве тысяч фантастически красивых цветов, но что удивительно: совсем не помню их запахов. А прозрачный аромат моих таёжных кукушкиных слёзок, кажется, не забываю. Не от этого ли воспоминания я улыбался просыпаясь?

Малина

Малина-малинка... Уж какая она на рынках крупная да калиброванная. Всяко-разная. Не только малинового окраса. И светло-розовая, и жёлтая, и свекольно-пунцовая, и чуть ли не чёрная в цвет ежевики. Красивая ягода, но всё водянистая. И аромата истинного нет. Разве сравнится она с малиной нашего детства? В глубинах памяти сохранил я вкус и запахи той настоящей малины.

Ещё только солнце восходило, карабкалось в утреннее небо, а мы уже бежали по холодной траве к высоким развалистым кустам, ведь даже ночами ягоды вызревали. Тянули руки в росистые колючие ветки, осторожно стягивали нежные ягоды с плодоножек.

А к полудню малинка вновь поспевала. В зной она бывала ароматнее. Горячий воздух густо пропитывался запахом спелых ягод. Но и твёрдые с недозрелыми бочками отправляли мы в ненасытные наши рты.

– Да подождите же вечера, – просила мама, улыбаясь, – пусть ягодки ещё немножко на солнышке прогреются.

Вечерами, набегавшись за день по улицам, мы опять вспоминали о малине. Уже тоненько позванивали комарики. Малина на закате была несравненно слаще утренней и дневной, только уже и сил не было собирать её. Мама помогала нам: ладошки спелых ягод протягивала младшему брату и мне.

Стрекоза

Июль, палящий зной, зыбко слоится воздух. Потоки солнца обжигают, прохожие идут чуть тенистым краешком вдоль сникших деревьев.

Увидел её на тротуарной плитке – прозрачные крылья безжизненно опущены. Наклонился, поднял. Занесло же бедолагу в хаос городской суеты. Ладно бы в парк улетела или на полянки городских клумб, – в этом районе последние травинки пожухли.

Красивая: голубые дымчатые полушария фасеточных глаз, грудка зелёного нефрита, брюшко синее перламутровое. Лапки недвижны, скрючены. Осторожно трогаю пальцем эти лапочки. Живая! Ухватилась цепкими коготками. И куда мне её? Поменял я маршрут, отнёс стрекозку на пруд у моего дома, устроил в тени камышей.

Вот как-нибудь приду на берег с удочкой, и моя стрекоза прилетит, сядет на поплавок и будет его раскачивать. Да ладно, – скажу ей, – дались мне те караси, веселись, красавица!

У стрекозы любимая забава – на поплавке рыбака танцевать. А как она ловит комаров! Помните, вы видели: ловит на лету в стремительном рывке, зажимает в лапках, первым делом отгрызает крылышки, а пока те тихо падают, зависает в воздухе, со всех сторон обжёвывает комарика, заглатывает, тут же – броском в сторону – хватает следующего, опять крылышки опадают... Места охоты стрекозы усыпаны комариными крыльями. Чтобы приметить это – надо вернуться в детство.

Страна дождей

Непогодой назвал бы нашу летнюю жару.

Знойно-гнетуще. Жухнут травы, рабски сникают листья, в морном выцветшем небе плавится бесформенное светило. Ни продохнуть. Ни спрятаться. И мглистыми ночами душно, не отпускает.

Но приходит август. Месяц гроз.

Перед рождением первой грозы мир обомлевает, цепенеет, как пред погибельным пределом. Надсада, растерянность, опустошённость. На деревьях листик не шелохнётся. Птицы не летают, голосов не подают. Время останавливается. Пыльные окрестья недвижны. Даже сердце замирает, раздумывает – стучать ли...

Дневная тягучесть перерастает в ночную. Где-то за горизонтами беззвучно проблёскивают, круговертят, но никак не приблизятся грозы.

И только полночь, под самое утро, когда и не надеешься уже, вдруг сверкнёт рядом совсем! Разорвёт, треском ошеломит тишину! Ударят хлёткие капли. И как обрушатся лавины негаснущие молний и каскады несмолкаемые громов! И как хлынут потоки вод! Сначала полосами, окатно. Вослед густо, огрузно.

Отрадно, тревожно, жутко. А люди улыбаются, засыпая блаженно под высверки, сияния и грохот. Потом приходит рассвет.

Наступает утро упокоения и чистоты.

Умиротворённость и благоуханность – дольный мир после грозы.

Благорастворение воздушных.

А как милы сердцу слепые грибные дожди! Они из детства. Солнышко даже за облака не прячется, шурится, жмурится. Серебряные дождики свозь лучи моросят. И зонты люди не раскрывают. А промокнув, не огорчаются. Но главное, ручаюсь, обязательно случаются радуги. Можете проверить.

Вёснами и летом бывают и самые обыкновенные дожди. Вдруг явятся из ниоткуда, пошумят, а потом растворятся в синеве неба и просохнут в зелени травы. Тоже хорошие дождики.

Обложные дожди, когда всё небо плотно беспросветно затянуто. Могут идти многими днями и ночами напролёт. И кажется, уже конца им никогда не будет, что во всём мире так.

В такие дожди хорошо думать, ничто не отвлекает. И в этом своя прелесть.

Лихие от напора ветров дожди – косохлёсты. В пути застанут – сухим не выбраться. Зато так хорошо после них греться у дымного костра, у натопленного камина или у раскалённой печи, – приключения, о которых рассказываете, посмеиваясь.

Дожди с градом, горохом-разбойником, иногда в мандарин величиною и ледяною формой. Они жестоки, беспощадны, но и в этой безумной стихии есть чарование.

Дожди со снегом. Они могут пойти и в августе. Люди любят фотографировать в такую погоду цветы, считают их необычно красивыми в снежных шапках и сугробах.

Осенние дожди. Спокойные, затишные. Сквозь них не надо торопиться. Они наполнены мудростью, надеждами и думами о вечном.

Проливаются, моросят, низвергаются, тарабанят, шелестят и грохочут ливни, дождики и грозы. В России они особенные. Приносят печали, томления и радости, преисполняют сердца Вселенской любовью.

Зазимок

Первый снег – зазимок. Выпадает под утро, перед рассветом, когда морозен воздух. Белым-белёхоньким всё припорошит. Необыкновенно светло от него. И так радостно на душе. Казалось бы, просто снежок выпал, а улыбаешься как ребёнок. И никак надышаться не можешь этим прозрачным искристым снежным воздухом.

На Амуре первый снег случается в конце октября, часто в мой день рождения. Мама рассказывала: родила ранним утром, в окно посмотрела – падают большие белые снежинки – зазимок.

Какое красивое и почти забытое нами слово...

Письма в минувшее

Брата похоронили за кованой оградкой рядом с мамой. Когда-то он целую зиму выковывал ту оградку, устанавливал её, показал, где будет и его могила.

Серёжа был учителем. Жил в учительском доме во дворе школы. Уже и не работал по болезни, а к нему стучались в любое время днём и ночью, если случались аварии: отключалось электричество, забивало канализацию, – шёл – ладил, ремонтировал, спасал. Мужик. Всё умел делать.

Он писал картины по памяти: приамурские пейзажи, трогательные натюрморты цветов. Вырезал из дерева таёжных изюбрей, лосей, глухарей. Это было развешано по стенам школы от гардероба до самых дальних её уголков. И ни один ученик не осмеливался что-то повредить, все знали, чьи это работы.

Когда перестал вставать, звал жену читать и перечитывать мои рассказы. Слушал. Просил передать, чтобы вспомнил я и написал о том, как в детстве мы ехали с мамой в тёмную ночь на попутке-полупортке где-то очень далеко за городом, куда-то к отцу ехали, и заглох мотор, стало темно, машину окружили волки... Я пытаюсь вспомнить ту историю, но никак не могу. А ведь я на три года старше.

Не успел расспросить. И не выведать уже ни в разговорах, ни в письмах.